

МАРИЯ ФИЛЬШТИНСКАЯ
о проекте *Homines Novi*, пути коллекционера,
философии Сартра и ускользящей красоте руин

В списке работ, принимающих участие в выставке, можно увидеть много фотографий. Это осознанный выбор, отражающий содержание вашей коллекции?

Да, это осознанно. Мне кажется, фотография — одно из направлений искусства, которое ближе всего к архитектуре. В ней больше гармонии, структуры, чистоты. Свет, геометрия, тень, пустота — все это особенно сильно работает именно в фотографии. Большая часть моей коллекции — черно-белые снимки, но есть и цветные — например, работы Эрика Мадигана Хека. Здесь я их не показываю, потому что у выставки другой нарратив. То, что представлено сейчас — это, наверное, процентов 15 от всей коллекции. У меня около 120 работ, здесь — лишь часть, потому что хотелось оставить ощущение воздуха, чистоты.

*Вы специально выбирали работы под пространство?
Или это было уже готовое высказывание?*

Нет, я всегда отталкиваюсь от пространства. Для меня оно определяющее. Сначала я смотрю, может ли оно «держать» искусство, потому что оно всегда требует опоры. Когда я первый раз оказалась в A-House — Марина Дэвовна Лошак настоятельно рекомендовала приехать и увидеть все своими глазами, — меня поначалу смутило пространство Салона с окнами. Бар я даже не рассматривала — не понимала, как можно экспонироваться в таком месте. А потом поняла, что можно и нужно его использовать. Так что да — выставка полностью формировалась исходя из пространства. Например, входную зону «открывают» три фотографии. Первая — работа Маурицио Габбаны, брата одного из основателей *Dolce & Gabbana*. Я попросила разместить рядом QR-код — он прислал сайт монастыря, который снимал. Мне показалось важным, предоставить зрителю возможность увидеть, что это за место. Там же — сопроводительное письмо автора, которое он прислал мне в ответ на приглашение к участию в выставке. Дальше — две работы размещены на лестнице. Это Джина Соден — фотохудожница, которая получила в 2013 году премию Британской академии как лучший молодой автор. Она работает с темой руин, архитектуры. Ищет дома, особняки, дворцы, и исследует, что с ними происходит во времени. Свет

у нее всегда невероятный. Эти работы как оммаж зданию и связи времен — Италия, Англия, и здесь — наше барокко.

Речь идет о палатах князя Друцкого?

Да. Мне хотелось создать оммаж именно этому зданию. В холле — небольшом, с окнами и обилием света — мне захотелось добавить цвета. Там будет изображенная на приглашении работа за авторством Анны Афониной, победительницы конкурса *Audi Born-Digital Award 2021*, чьи произведения уже находятся в частных коллекциях в России и Европе. Также будут представлены акварели Петра Кирюши на специальной бумаге. И триптих Алины Глазун — очень личное высказывание на тему ее отношения к искусству. Мне показалось важным — разместить эти работы именно здесь. И это только начало экспозиции... Я назвала проект *Homines Novi*, потому что все говорят про новых людей, новый мир, но мне хочется задаться вопросом — а правда ли он новый?

Мы на выходе получим один ответ или каждый уйдет со своим?

Это философский вопрос. Ответить может только сам человек для себя. Кто мы — объект или субъект? Или и то, и другое? Это исследование — не про вывод, а про размышление. Я показываю, что по сути все вопросы остаются теми же, просто формулируются по-разному. Человек все еще исследует себя — в различных своих ипостасях, формах, восприятии.

Вы для себя ответили? Хотите, чтобы зритель пришел к такому же ответу?

Нет, я даю пространство для интерпретации. Современное искусство — контекстуально. У меня есть любимая фраза: «современное искусство объяснительное». В этом проекте я решила обойтись без куратора — сама определяю контексты, через тексты и экспликации. Я буду рада, если кто-то задумается, если что-то отзовется. Мне важно подарить эмоции. У нас не так много поводов для праздника — пусть это будет один из них. Не смогу уверенно сказать, что философские размышления будут уместны для всех. Насчет философии — да, среди приглашенных авторов есть представители философского мира, как и я (смеется. — Прим. ред.).

Легко ли работать в заданном пространстве, с интерьером? Или белый куб даёт больше свободы?

Все зависит от проекта. Иногда белый куб работает лучше. Здесь же пространство было задано, и я старалась показать свою оптику на мир, выстроить внутри него историю, которая бы органично сложилась в рамках этого места. Архитектура важна. Как можно говорить о чем-то вне контекста здания, места, его истории и людей?

Получается почти как дом коллекционера: лестница, холл, гостиная...

Да, вполне. Хотя я живу в деревне, в частном доме — но все равно. Есть структура, движение между пространствами, иерархия этих пространств, точки пересечения. Мне хотелось передать это взаимодействие — людей, мыслей, ощущений.

А как коллекционер и архитектор живет с искусством? Часто ли меняете экспозицию? Или работы постоянно присутствуют на своих местах?

Очень актуальный вопрос. Недавно сама подумала, что, может, пора что-то поменять. Как я уже говорила, на выставке представлена лишь малая часть. Основная коллекция хранится отдельно. Иногда хочется другого — по настроению, по состоянию. Появляются новые смыслы, хочется наполнить ими пространство. Сейчас — одна экспозиция, потом — другая. Например, недавно поняла, что мне нужен в кабинете определенный портрет — именно сейчас, потому что мне важны эмоции и силы, которые он дает.

Коллекционер — он про личное? Или вам хочется делиться тем, чем вы обладаете?

Когда меня пригласили сделать выставку в рамках Биеннале частных коллекций — я не сразу согласилась. Это же все очень личное. Коллекция — это твоя философия, личный взгляд, и не всегда ты готов этим делиться. Когда я выбирала, что показать, многое оставила — просто не готова. Например, из современной скульптуры я убрала одну работу, потому что не готова ее показывать. А когда делишься, начинаешь по-другому смотреть на свою коллекцию. Это тоже переосмысление. Но, конечно, переживаешь — как воспримут сегодня, поймут ли, отзовется ли это другим. Это может в корне изменить твоё отношение к работам.

Обратная связь важна?

Конечно. Ведь я делюсь сакральным.

Это же своего рода бесстрашие.

Да. Для меня — это смелость. Ты открываешь свою историю. А она у каждого своя. И важно, как она будет принята. Как говорил Сартр: «Ад — это другие», — потому что именно другие оценивают. Моя история как коллекционера не завершена. Коллекция растёт, появляются новые идеи. Вот недавно в ней появилась работа выпускницы школы Родченко, которая открыла для меня что-то новое. И ты понимаешь: это все —

процесс. Окончательно о коллекции можно будет судить только в самом конце — когда будет виден полный путь.

Банальный, но важный вопрос: с чего началась коллекция?

Да. Все началось с фотографии. Я смотрела снимки советских фотографов — например, Грановского. Это произвело на меня сильное впечатление... Мне кажется, человек становится коллекционером, когда начинает тратить на это деньги. Пока ты только смотришь — это другое. А как только ты начинаешь приобретать, выделяешь место — ты визуализируешь свою оптику, объективируешь её. Вот тогда и начинается коллекционирование.

Если попытаться описать вашу коллекцию одним словом — каким бы оно было?

Сложно сказать. У меня все очень разное: фотография, живопись, скульптура, графика, вазы определенного периода. Это просто моя жизнь. Пока живешь — коллекция живет и меняется.

А когда вы работаете как архитектор — с пространствами, интерьерами, — искусство всегда в них появляется? И как вы соотносите свое восприятие искусства с восприятием заказчика?

Я не делаю ни одного пространства без искусства. Для меня это невозможно — искусство наполняет цветом, жизнью, смыслом. Оно придает шарм, стиль, делает пространство выразительным. Причем оно закладывается уже на этапе проектирования. Конечно, это всегда работа с заказчиком. Но, наверное, мне везет — мне доверяют в этом вопросе.

А бывали ли случаи, когда потом клиенты делились впечатлениями — как они живут с этим искусством? Или вы сами наблюдаете, что остается на стенах?

Да, конечно. Некоторые заказчики потом обращаются напрямую к художникам или галереям, где мы подбирали работы — и заказывают что-то еще. Так что искусство остается, и живет вместе с ними.

Если представить себе, что вам доступно любое здание или музей в мире — где бы вы хотели показать свою коллекцию?

Наверное, в Музее архитектуры — в «Руине». Мне кажется, там можно было бы показать несколько работ. Да и сам музей интересный, я его очень люблю. Это могло бы стать продолжением нашей выставки, ее развитием. Можно было бы показать одну коллекцию в нескольких локациях. И люди почувствовали бы, насколько по-разному искусство работает в разных пространствах, в зависимости от контекста. Очень интересно наблюдать — как искусство раскрывается, когда меняется архитектурная рамка.